

Годъ 5-й.

Кн. XIX.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѦНІЕ.

Издание Этнографического Отдѣла

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антрапологии и Этнографии,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1893, № 4.

подъ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографического Отдѣла
Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Комиссионеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.
1893.

Интересъ изученія народной и тибетской медицины въ Забайкальѣ.

(Посвящаю Анатолію Петровичу Боданову).

Забайкалье—страна контрастовъ. Верхнеудинскъ или Троицко-савскъ дадутъ вамъ картину жизни центровъ культурныхъ, гдѣ функционируютъ аптеки, больницы, учебныя заведенія, гдѣ можно удовлетворить всѣмъ потребностямъ комфорта, пользоваться послѣдними усовершенствованіями, благами цивилизациі. Но рядомъ вы встрѣтите густыя селенія зажиточныхъ старообрядцевъ («семейскихъ»), гдѣ научнымъ авторитетомъ пользуются избранныя книги старины не далѣе XVII вѣка, причемъ весь складъ жизни населенія напоминаетъ вамъ патріархальную старину, порядки, удобства жизни временъ Домостроя. Даѣе вы попадете въ область еще болѣе крупнаго анахронизма, потому что буряты представлять живую страницу первобытной культуры человѣчества, гдѣ жильемъ служить юрта, а кругомъ очага нѣтъ мебели (сидѣть и свои, и гости прямо на землѣ) гдѣ дацаны (ламайскіе монастыри)—единственные школы, въ которыхъ преподаваніе своихъ наукъ (астрологіи, магіи, медицины) начинается съ многолѣтняго разучиванія наизусть непонятныхъ гимновъ на тибетскомъ языкѣ.

Ставъ лицомъ къ лицу съ такими разнохарактерными типами общежитія, вы, прежде всего, поразитесь представлѣніемъ, какая громадная пропасть между отдельными массами населенія. Вы себя спросите, неужели существуютъ переходы между этими группами, такъ ясно обозначившимися, такъ тѣсно сплоченными въ опредѣленія формы? Неужели происходитъ процессъ цементированія ихъ, объединенія прочаго, а не одной внѣшней видимой административной связью?

И если только у васъ есть задача принимать общія мѣры для разнородныхъ частей населенія, если вы начнете наблюдать де-

тальнѣе, проводить параллели, то поневолѣ придется къ парадоксальному выводу: какъ ни разнохарактерны вѣшнія формы быта отдельныхъ группъ населенія, — горожанъ, землепашцевъ, кочевниковъ, — но складъ умственной жизни у нихъ во многихъ отношеніяхъ удивительно сближается. И чѣмъ ближе вы будете знакомиться съ населеніемъ Забайкалья, тѣмъ тверже убѣдитесь, что и здѣсь приложимъ общій законъ культурнаго развитія человѣчества, состоящій въ томъ, что нигдѣ прогрессъ не увлекаетъ всей массы, а вездѣ остаются отсталые, вездѣ можно найти переживание старыхъ обычаевъ, предразсудковъ, наслоенія культурныхъ привычекъ.

Такимъ образомъ, нигдѣ нельзя провести на самомъ дѣлѣ рѣзкой грани межъ отдельными стадіями, фазами развитія: вездѣ замѣчаются переходы, сглаживанія. Такъ, въ Забайкальѣ вы увидите осѣдлыхъ инородцевъ-землепашцевъ, живущихъ въ полной крестьянской обстановкѣ, со всѣми присущими земледѣльцамъ замашками, и найдете инстинкты нетребовательнаго кочевника у крестьянъ, уходящихъ на мѣсяцъ въ тайгу за бѣльчимъ промысломъ, недѣли ночующихъ на отдаленныхъ отъ деревни пашняхъ, цѣлую зиму, годы проживающихъ со скотомъ на заимкахъ, мало отличающихся отъ юртъ. При болѣе специальному знакомствѣ вы убѣдитесь въ существованіи большого сходства и въ области юридическихъ нормъ, напр., обычай калыма (платы за невѣсту) найдется и у бурятъ, и у «семейскихъ» ...

Впрочемъ, мнѣ пора уже рѣчь вести о своей специальности — медицинѣ. Излагать цѣлую систему, конечно, нѣть никакой надобности: достаточно будетъ для общей характеристики дѣла представить нѣсколько иллюстрацій.

Обыкновенно полагаютъ, что медицина пользуется средствами, добытыми давно путемъ опыта и наблюденія, причемъ обыкновенно болѣе древнее средство имѣть за собою и большее преимущество. Но въ такомъ предположеніи кроется жестокая ошибка. Совершенно вѣрно, что незыблемы выводы эмпиріи, но дѣло вовсе не въ частотѣ и продолжительности непосредственныхъ наблюдений, а въ разнообразіи искусственно упрощенныхъ экспериментовъ и въ тонкости методовъ изслѣдованія. Вотъ съ этой точки зрѣнія наша новая медицина имѣть полное право смотрѣть свысока на всѣ изысканія прежнихъ вѣковъ и съ улыбкой выслушивать

ледеть примитивной науки. Возможно ли первобытными средствами опредѣлить порокъ сердца, когда не умѣютъ выслушивать его тоны? Можно ли незнакомому съ электричествомъ распознать параличи мѣстные (периферические) отъ центральныхъ, или неимѣющему офтальмоскопа (вогнутаго зеркала и лупы) опредѣлить характеръ болѣзни глазъ? А развѣ микроскопъ не далъ намъ возможности различать легочныя, почечныя и другія страданія? Итакъ, несомнѣнно, что изысканія, опыты прежнихъ дней теряютъ свое важное значеніе, разъ къ распознаванію болѣзней примѣняются новые, точные методы. Все ширятся наши знанія и не столько въ количествѣ, сколько въ качествѣ, въ изученіи мелочей. Съ теченіемъ времени наука ставитъ себѣ новые вопросы и подходитъ къ ихъ рѣшенію съ новой стороны. Возможенъ ли теперь, напримѣръ, вопросъ о томъ, на какомъ языкѣ говорилъ первый человѣкъ и не наивнымъ ли всѣмъ покажется известное рѣшеніе этого антропологического вопроса когда-то въ Персіи ¹⁾?

Подобные же вопросы возбуждались и также удачно разрѣшались и въ архаической медицинѣ. Напримѣръ, спрашивается: „почему старики худо видятъ вечеромъ?“ Отвѣтъ ясенъ: „у нихъ мало стихіи огня въ хрусталикѣ глаза.“ Тоже говорятъ и наши пациентки изъ народа: „стало мало свѣту у меня въ глазу,—вотъ не вдерну нитки въ ушко, не вижу.“ Для настъ же легко понятно старческое измѣненіе преломленія глаза: конечно дальнозоркіе болѣе замѣчаютъ свой недостатокъ вечеромъ, когда освѣщены лишь ближніе предметы.

Такимъ образомъ раздѣляли болѣзни по несущественнымъ признакамъ, благодаря чему соединяли несходное, разъединяли близкое, напр. явились рубрики: зудъ (все равно—при малокровіи, неврозѣ или накожномъ страданіи), водяная (все равно — при болѣзни ли печени, или при кистѣ), ложное колотье въ боку (при аневризмахъ ли, расширѣніи желудка, порокахъ сердца, или при невралгіяхъ). Но при такомъ несовершенствѣ діагноза могло ли

¹⁾ Напомню разсказъ объ этомъ.

Быть взять грудной ребенокъ, помѣщенъ въ особомъ саду, порученъ для воспитыванія вѣ мой (съ отрѣзаннымъ языкомъ?) кормилицѣ; въ садѣ могъ входить только привратникъ, приносить пищу, но не смѣль произносить ни звука. Выросъ дѣтина большими и однажды вдругъ сказалъ „бэкос.“ Это слово оказалось фригийскимъ, означало „хлѣбъ“!...

успѣшно итти какое бы то ни было лѣченіе? Въ особенности при-
помнить къ этому, что капризное пользованіе болѣзней всегда
объясняли всѣмъ казавшимися убѣдительными побочными причи-
нами, напр., вліяніемъ луны и вообще гороскопа, вмѣшательствомъ
духовъ, отвѣтственностью за грѣхи свои или родственниковъ и т. д.

Какъ же при такихъ условіяхъ запутанности объясненій, неопредѣленности дѣйствія назначаемыхъ лѣкарствъ, — какъ могла создаваться репутація медикаментовъ?

Еслибы удалось вполнѣ отвѣтить на этотъ вопросъ, вышла бы одна изъ интереснѣйшихъ страницъ исторіи культуры человѣчества. Получилось бы разъясненіе, какъ сложились многіе миоы, предразсудки. Несомнѣнно, что въ популяризаціи лѣкарствъ играли большую роль случай, мода. Не удовлетворяясь дѣйствіемъ старого медикамента, не умѣя себѣ объяснить, почему корешокъ та-
кой-то травы, одинъ разъ производитъ ожидаемый результатъ, а другой разъ оказывается безполезнымъ или даже вреднымъ,— естественно уже первобытный лѣкарь не переставалъ искать но-
выхъ средствъ. А это было легко: стоило только взяться за пер-
вую попавшуюся травку или испытать выдающейся чѣмъ-либо ка-
мешекъ. И если лѣкарь былъ знаменитъ, жилъ при влиятельномъ
администраторѣ, имѣлъ много учениковъ, то новое лѣкарство бы-
стро находило себѣ потребителей, становилось общеизвѣстнымъ.
И чтобы впослѣдствіи доказать несостоятельность этого медика-
мента, вытѣснить его употребленіе, необходимъ былъ новый авто-
ритетный врачъ; иногда этому реформатору-врачу приходилось во-
оружаться даже цѣльими искусствами теоріями, изящными толкова-
ніями руководящихъ противопоказаній.

По этому пункту позвольте привести двѣ цитаты изъ временъ, близкихъ къ намъ, но хорошо характеризующихъ то, что было и ранѣе.

Въ лѣчебникѣ Тиссо (по переводу Озерецковскаго 1781 года, на стр. 98, въ § 101) читаемъ:

При колоть въ боку безъ лихорадки, которое вдругъ можетъ уничтожить человѣка, или годами переходить въ водянную,— запрещаются потогонные, а нужны значительныя кровопусканія. Между тѣмъ при сей болѣзни англійская полынь пріобрѣла много славы, и много споровъ причинила межъ почтеннымъ духовенствомъ и однимъ весьма искуснымъ врачемъ. Оная полынь сильно горька: горячить, въ потъ кидаетъ; слѣдовательно, ее никакъ нельзя

употреблять при боковомъ колотъ, пока сосуды полны, кровь воспалена; но въ концѣ болѣзни, когда сосуды опорожнены, кровь разведена, горячка умалена, употребить можно, хотя и умѣренно".

А въ концѣ своей книги, въ росписи тезисовъ, Тиссо говорить кратко: "англійской полыни при боковомъ колотъ не должно употреблять".

Еще цитату вспомнимъ изъ сочиненія Ал. Гумбольдта „Картины природы“ (перев. 1862 года, Москва, стр. 230). Рѣчь идетъ о хининѣ, который былъ привезенъ изъ Перуанской провинціи Квіто испанской графиней Хинхонъ, скоро пригодился, кажется, для лѣченія испанской королевы и, благодаря удачѣ, получилъ широкую извѣстность въ Европѣ. Гумбольдтъ посѣтилъ въ Южной Америкѣ родину хиннаго дерева и замѣчаетъ:

"Разсказываютъ, что хинная корка открыта благодаря львамъ, которые грызутъ ее при болѣзни. Но на дѣль видимъ не то: во-первыхъ, львы вообще не изучены, и ничего неизвѣсто о льви-ной лихорадкѣ; во вторыхъ, кошки никогда не обгладываютъ дере-въ. Къ тому же индѣйцы въ ближайшихъ къ Локсѣ долинахъ, гдѣ часто свирѣпствуетъ перемежающаяся лихорадка, избѣгаютъ хинной корки. Скорѣе всего эти разсказы походятъ на выдумку европейскихъ монаховъ... Недаромъ хинный порошокъ назывался іезуитскимъ, потому что братія сего ордена начали прибыльную для себя торговлю южноамериканской хинной коркой, получая ее отъ своихъ миссіонеровъ. И въ Европѣ разжегся на цѣлый вѣкъ жаркій споръ о пользѣ или вредѣ хинной корки; къ этимъ преніямъ примѣщалась религіозная нетерпимость, а со стороны протестантскихъ врачей ненависть къ іезуитамъ. Но въ концѣ концовъ протестанты сдались, ибо открыли собственныея плантаціи".

И вотъ „мода“ на дорогой полезный хининъ на нашей памяти дошла до апогея: хинная помада для ращенія волосъ, хинное вино для укрѣпленія желудка, хинный зубной порошокъ, хинные ванны и т. под. Подобнымъ же образомъ „случай“ и ранѣе все набивалъ аптечный ящикъ новыми лѣкарствами, то завоевывав-шиими себѣ извѣстность на цѣлые вѣка, то скоро забываемыми.

Въ средѣ народа пастушескаго преобладали дикия травы, лу-говые; но такъ какъ онѣ оказывались состава непостоянного, такъ-какъ не умѣли изъ нихъ, при несовершенной техникѣ, добывать выжимки, масла, то больные кочевники не могли стать исключи-тельно вегетаріанцами въ лѣченіи, а пользовались и продуктами своихъ одомашненныхъ животныхъ: ихъ желчью, кровью, экскре-

ментами. Племена бродячія при своемъ охотничьемъ бытѣ умножали, главнымъ образомъ, арсеналъ медикаментовъ изъ животнаго царства; эти же промышленники знакомились и съ особенностями флоры горной, лѣсной¹⁾). Разбойничіи племена, испытавъ людѣство, оставили опытъ, въ какихъ болѣзняхъ полезно человѣческое мясо, или мазь изъ растертаго человѣческаго мозга. Осѣдлые жители, акклиматизировавъ хлѣбные злаки, огородныя овощи, разнообразили медицину простыми выжимками изъ культурныхъ растеній.

Конечно, на самомъ дѣлѣ нельзя сказать, чтобъ такому-то племени былъ свойственъ исключительно пастушескій образъ жизни, а среди него не находилось бы охотниковъ. Поэтому знанія медицинскія у отдельныхъ народовъ не столько разнились въ силу неодинаковаго строя жизни у нихъ, сколько вслѣдствіе различія въ климатическихъ и другихъ топографическихъ условіяхъ. Но и въ первобытныя времена сношенія между народами были значительными. Разумѣется, тогда, при рѣдкости населенія, еще мало кто занимался лѣченіемъ болѣзней, какъ профессіей: вообще лѣкарства рѣдко кто сохранялъ въ большомъ количествѣ, про запасъ, къ тому же сохранили неискусно, часто лѣчили невпопадъ; поэтому-то первобытная медицина болѣе всего удовлетворялась животными продуктами, а изъ нихъ изверженіями, которая всегда легче достать въ свѣжемъ видѣ.

Такая противная „медицина“ практикуется сплошь да рядомъ и нынѣ въ средѣ народа, живущаго мелкими селеніями, не развившаго промышленности, отчужденнаго. Въ первобытныя же времена она господствовала; отсюда-то и видимъ на востокѣ — Египтѣ, Ассиріи — культь крови домашнихъ животныхъ²⁾.

Но когда появилась въ человѣчествѣ первая письменность и ее усвоили врачи, то стали записывать о дѣйствіи, примѣненіи къ дѣлу лѣкарствъ не только своихъ, мѣстныхъ, но и самыхъ

¹⁾ Вспоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, какъ оставилъ живой следъ въ тибетской медицинѣ, представляющей эклектизмъ, механическую смѣсь изъ „открытій“ разныхъ эпохъ, разныхъ племенъ.

²⁾ Вообще употребленіе животныхъ продуктовъ составляетъ важную часть въ вопросахъ исторіи культуры человѣка, служитъ даже предметомъ специальныхъ монографій.

отдаленныхъ народовъ, лишь бы дошли до грамотеевъ-лѣкарей какіе-либо, хотя и смутные, слухи.

Естественно, что при такомъ безсистемномъ собираніи свѣдѣній медицина разрослась до невѣроятныхъ размѣровъ. „Нѣть такой травы, такого вещества, которое бы не годилось въ лѣкарство“, говорятъ иногда священные медицинскія книги. Я сказалъ „священные“, потому что впервые грамотностью воспользовались жрецы, которые одновременно стали заниматься и записью астрономическихъ наблюденій. А такъ какъ младенческая медицина была часто несостоятельна, то, кромѣ аптечнаго метода лѣченія, пользовали часто и различными гипнотическими внушеніями, т. е. заговорами, таинственными нашептываніями, искусно обставленными заклинаніями. Конечно, всѣ эти симпатические, мистические способы лѣченія тормазили развитіе рациональной науки, не давали ей жизни, не позволяли явиться скептицизму, углубиться въ разысканіе причинъ частыхъ неудачъ. Фатализмъ губилъ зачатки реального мышленія. Все совершающееся въ свѣтѣ стоическому уму жрецовъ представлялось непоколебимъ, разъ были приложены молитвы къ высшимъ силамъ, ибо все зависѣло отъ нихъ, согласно законамъ сложной астрологии¹⁾.

Итакъ, жрецы, взявъ медицину подъ свое покровительство, или, вѣрнѣе сказать, основавъ отчасти на ней силу своего авторитета, явились хранителями науки и двигателями ея впередъ. Но работа ихъ была кабинетнаго характера: записавъ все известное по медицине въ разныхъ мѣстахъ, они пытались сдѣлать сводку всему, не исключая и непроверенныхъ басенъ. Такимъ образомъ явились на помощь эмпирикамъ-врачамъ письменная руководства. Часто лѣчили жрецы и сами, но брались за болѣзни съ выборомъ, какъ аристократы, т. е. оставляли себѣ болѣзни внутреннія, а область хирургіи вѣряли костоправамъ, цирюльникамъ, повитухамъ. По крайней мѣрѣ, къ такому результату приводила сама практика жизни.

Первый сводъ медицинскихъ знаній, какой намъ известенъ, сдѣланъ въ Индіи. Вѣроятно, послужили основаніемъ индуизмъ

¹⁾ Конечно, этой астрологіей связаны буддисты, а наши раскольники, въ послѣдие отъ прежнихъ вѣковъ, хранить лишь мало мотивированный принципъ: „лечиться грѣхъ, ибо болѣзнь приходитъ и уходитъ по волѣ Божіей“.

изыскавія и ассирийцевъ, египтянъ, цивилизациі которыхъ расцвѣла ранѣе. Во всякомъ случаѣ, индійскіе ученые были въ сношениихъ съ греческими, такъ что и для насъ индійская мудрость послужила ядромъ научныхъ знаній, не была безъизвѣстна, а легла фундаментомъ греческихъ, позднѣе арабскихъ теорій. Точно также съ санскритскаго эти медицинскія книги цѣликомъ были переведены на китайскій и тибетскій. На востокѣ это теоретическое изложеніе медицины сохранилось въ своей неприкосновенности до сей поры съ весьма незначительными прибавленіями, такъ что бурятскіе ламы придерживаются авторитета, которому надо считать болѣе 2000 лѣтъ.

Однако и въ нашу народную медицину, главнымъ образомъ, какъ увидимъ ниже, перешли эти сѣдыя истины неизмѣненными, но не въ цѣломъ объемѣ, а въ видѣ разрозненныхъ экстрактовъ, афоризмовъ. Христіанство унаслѣдовало языческую медицинскую науку, но не узаконило ея положеній, не заботилось о нерушимости теоретическихъ основъ. Между тѣмъ народная медицина хранить эти древнія аксіомы неприкосновенными,—освободилась же отъ нихъ, ушла впередь лишь медицина научная. Это случилось, когда окончательно были разорваны узы астрологіи Колумбомъ, Галилеемъ, когда открыли кровообращеніе, когда усиленно стали работать алхимики, когда укоренились культурныя привычки къ опрятности въ жилищѣ, одеждѣ, пищѣ, вентиляціи комнатъ,—только въ это время, очень недавнѣе, и началась новая эра нашей медицины. Эта наука появилась лишь въ лабораторіяхъ нашихъ университетовъ, но она скоро разсѣяла учениковъ-лѣкарей по всей Европѣ.

Новые врачи уже стали пользоваться сложными физическими приборами, лѣкарствами, очищенными химически, по возможности болѣе постоянного состава. Эти доктора уже не могли индифферентно относиться къ представителямъ старой, народной медицины, черпавшимъ свои знанія изъ отрывковъ древней греческой метафизики: межъ ними оказалась пропасть, и народный знахарь во многихъ мѣстахъ былъ объявленъ вреднымъ шарлатаномъ. Но народъ долго не умѣлъ отличать нового врача отъ вѣдуновъ старого закала. Приходилось разными мѣрами предохранять массы отъ эксплуатациіи отсталыми знахарями. Такъ, упомянутый Тиссо (перев. Озерецковскаго, стр. 482) пишеть:

„Когда усматривали въ Монпельерѣ площадныхъ лѣкарей, то имѣли право сажать ихъ на худого и упрямаго осла, оборотя лицомъ къ хвосту; въ семъ состояніи возили ихъ по всему городу, съ крикомъ малыхъ ребятъ и всего народа, который при томъ ихъ билъ, бросалъ въ нихъ грязью, со всѣхъ сторонъ теребиль и ругалъ“.

И такія нравоучительныя зрелища имѣли мѣсто полтораста лѣтъ тому назадъ!.. Но не это убило кредитъ народной медицины въ Европѣ, а распространившееся въ народѣ новое просвѣщеніе. Популярность знахарей была вполнѣ подорвана, когда въ конецъ рушилась ихъ теорія. Это совпало съ началомъ новой науки—химіи, когда ясно показали, что огонь не вещество, а физическое явленіе, что вода не элементъ, а тѣло сложное, распадающееся на два газа, и, наконецъ, что воздухъ также не простое тѣло, а смѣсь двухъ и болѣе газообразныхъ тѣлъ.

Почему же эти открытія окончательно сгубили дряхлую теорію древняго міра? Потому что понятія „огонь, земля, вода, воздухъ, эоиръ“ были до тѣхъ поръ краеугольными камнями, на которыхъ зиждилось все зданіе научной философіи. Вся медицина была проникнута представлениемъ о взаимодѣйствіи этихъ существенныхъ элементовъ.

Все человѣческое тѣло состоитъ изъ этихъ *мировыхъ стихій*: „безъ земли не наполнится, безъ воды не соберется, безъ огня не поспѣеть, безъ вѣтру не размножится, безъ эоиру воздухъ не отдѣлится“,—такъ говорятъ священныя тибетскія книги. Подробнѣе находимъ: отъ земли происходятъ: мясо, кость, чувство обонянія въ носу; отъ воды являются: кровь, языкъ, слизь (мокрота), чувство вкуса; отъ огня—тѣлесная теплота, пламя въ хрусталикѣ глаза; отъ вѣтра или воздуха (что одно и то же, ибо предполагается, что воздухъ по своей собственной охотѣ, своею силой, способенъ передвигаться)—дыханіе, употребленіе пищи (т. е. глотаніе ея, а частью и переработка); отъ эоира—слова, голосъ (членораздѣльная рѣчь), слухъ.

Изъ изложенного мы уже видимъ, что первобытная медицина смѣшиваетъ материальныя явленія съ ощущеніями (внѣшнихъ чувствъ); дальше еще болѣе мы убѣдимся въ неумѣніи древнихъ ученыхъ отличать объективное отъ субъективнаго.

Посмотримъ, какъ фигурируютъ въ физіологии мировыя стихіи. Главнымъ образомъ распоряжаются въ нашемъ организмѣ *три*

подвижныя эссенции: *хи*—вещество воздушное и эоирное, *шара*—матерія огненно-жидкая и *бадганъ*—соответствующій тяжелымъ элементамъ: водному и земельному. Эти три эссенціи называются еще часто въ тибетскомъ писаніи *прирожденными пороками*, ибо отъ нихъ зависятъ дѣйствительно три главныхъ грѣха нашего существованія, а именно: *хи*—вѣтеръ—связывается съ сластолюбиемъ (блудомъ), *шара*—съ вспыльчивостью, *бадганъ*—съ глупостью. Этихъ эссенцій въ нашемъ тѣлѣ всегда должно быть лишь опредѣленное количество, а именно: *хи* — вещества легкаго, тонкаго, прохладнаго, упругаго, летучаго, мягкаго—4 пригорши (т. е. 4 мѣры по двѣ сложенные ковшомъ руки); *шары*—вещества маслянистаго, Ѣдкаго, горячаго, съ проницательнымъ запахомъ—одна горсточка; *бадгана*—вещества тяжелаго, густого, тягучаго, слизистаго—3 подмышки (мѣра—рука, сложенная колесомъ подъ мышку, т. е. сколько помѣстится въ образующемся такимъ образомъ отверстіи: таково количество мозга у человѣка).

Понятія о *хи*, *шарѣ*, *бадганѣ* весьма важны для уясненія всей системы тибетской медицины. Поэтому необходимо на разборѣ ихъ остановиться дольше.

Посмотримъ роль эссенціи *хи*. Въ ушахъ слышится шумъ, звонъ—это волнуется *хи*; икота, зѣвота, смѣхъ, всхлипыванья, зависятъ отъ *хи*; ознобъ, дрожь, тряска, судороги—дѣйствуетъ *хи*; обонять позволяетъ *хи*; *хи*, вообще, производитъ разнообразные движения внутри нашего тѣла, управляетъ ходьбой, рѣчью, письмомъ, разсудкомъ. Главное мѣстонахожденіе *хи*—нижняя часть туловища, въ костяхъ.

Столь же разнообразно и значеніе *шары* для нашего тѣла. Это—начало желтое, какъ солнце, предназначенное для согрѣванія всего нашего организма, поддержанія „свѣта“ въ глазу; это вещество составляетъ сущность зрѣнія, вызываетъ чувство голода и жажды, разныя желанія (страсти), самоощущеніе бодрости, энергіи, дѣлаетъ насъ храбрыми; шару филологи называютъ желчью, но это невѣрно, потому что шара распредѣляется по всему тѣлу, хотя, преимущественно, сконцентрирована въ области органовъ пищеварительныхъ, печени; но также шара находится въ кожѣ, крови (придаетъ краску), поту, желтой водѣ, проникающей все тѣло и иногда скопляющейся въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ.

Бадганъ преобладаетъ въ мясе, жирѣ, особенно костномъ мозгѣ,

экскрементахъ, вообще въ верхней части тѣла; онъ составляетъ главную массу многихъ органовъ, придаетъ имъ плотность и вмѣстъ эластичность, соединяетъ сочлененія, составляетъ сущность вкуса, приносить чувство удовлетворенія голода, жажды и прочихъ желаній, даетъ сонъ, ощущеніе полноты, радости, спокойствія, питаетъ разумъ.

Количества хи, шары, бадгана въ нашемъ тѣлѣ могутъ и колебаться въ известныхъ физиологическихъ предѣлахъ; но разъ этотъ предѣлъ пройденъ, происходитъ нарушение здоровья всего организма—болѣзнь. Нормальная измѣненія количествъ этихъ эссенцій могутъ зависѣть отъ пищи, образа жизни, времени дня и года, наконецъ, отъ возраста субъекта и даже его темперамента.

Всѣ пищевые материалы, конечно, состоятъ изъ тѣхъ же міровыхъ стихій, какъ и всѣ окружающіе насъ предметы. Раздѣляются съѣстные продукты, прежде всего, по шести главнымъ вкусамъ, а именно: сладкій, кислый, соленый, горькій, острый (или горячій, Ѣдкій) и прѣсный. Конечно, полного соответствія нѣтъ между вкусомъ какого-либо вещества и входящимъ въ составъ его элементомъ, но все же можно считать вкусъ признакомъ хорошимъ, чтобы указать, какая стихія преобладающая въ данномъ случаѣ. Такъ, все прѣсное, горькое (какъ горечавка — звѣробой) состоитъ изъ стихіи эѳирной, воздушной; все острое (какъ перецъ), частью кислое, содержитъ въ себѣ огонь; всѣ же соли, сласти состоять, преимущественно, изъ земли и воды. Таково какъ бы химическое дѣленіе.

Но не въ одномъ только различіи по вкусу состоитъ опредѣленіе качества пищи: руководствуются и иными признаками (физическими). Все плотное, тяжелое, взятое изъ земли, воды, что не было на солнѣ или воздухѣ, сырье, зеленые плоды, все слизистое, все не вареное (напр. колодезная вода, всякое питье), все имѣющее форму тупую, круглую, на ощупь гладкое, холодное,—усилить бадганъ. Но что высушеное, въ поры чего вошелъ воздухъ, что стало легкимъ, долго лежало на воздухѣ, все прохладное, все жесткое, шероховатое—очевидно вносить хи. Наконецъ, все пережженное (всякая зола, пепель), вареное (напр., отварная вода), все воспринявшее въ себя лучи солнца (т. е. бывшее на свѣту), все кислое, острое (какъ чеснокъ), протухлое (напр., загнившій мозгъ, прогорклое масло), съ проницательнымъ дурнымъ

запахомъ, все маслянистое, сочное (какъ вино), жгучее, горячее, колючее (иногда желтаго краснаго цвѣта)— вызываетъ преобладаніе шары.

По этой росписи легко рѣшить, какая пища благопріятна для хи или другой эссенціи нашего тѣла, напр.: мясо рыбъ, червей, змѣй, болотной птицы—усилить бадганъ; сюда же отнести придется мясо куръ, тарбагановъ (сурковъ), мышей, фазановъ, потому что они скребутся въ землѣ; но мясо испортившееся, какъ, напр., нашъ малосольный омуль¹⁾,—усилить шару; также мясо птицъ хищныхъ, смѣлыхъ, высоко летающихъ, будучи сочнымъ, увеличить шару, но хорошо высушенное, пролежавшее годъ или два (вяленымъ), восприметъ въ себя много воздуху, усилить частью и хи.

Точно такъ же, какъ діэту стола, легко изложить и *вліяніе образа жизни и занятій на кардинальныя эссенціи нашего тѣла*. Если кому приходится долго ходить, говорить, физически работать, вообще производить продолжительныя, хотя и легкія движения, усиливается хи. Однаково будетъ, если много задумываться, заботиться отъ огорченія или изъ зависти. Тотъ же результатъ произойдетъ вслѣдствіе безсонницы, голода (поста, сухоядѣнія). Вообще, всякое хроническое изнуреніе, недостатокъ питанія вызовутъ преобладаніе хи. Если же кто неосторожно напрягаетъ свои силы, дѣлаетъ попытки поднять непомѣрную тяжесть, натянуть чрезвычайно тугой лукъ; если кто скоро бѣжалъ, шелъ въ гору, вообще сильно горячится, волнуется отъ гнѣва, испыталъ оскорблѣніе и вышелъ изъ себя,— у того развивается шара; видимо это часто обнаруживается появленіемъ пота и ощущеніемъ жара. Если же кто проводитъ время въ праздности, долго спить, особенно днемъ, послѣ обильного обѣда, не утруждаетъ себя работою, движеніемъ, говорить медленно, часто лежитъ, особенно въ тѣни, на сырой землѣ, одежды носить легкія, купается, живеть въ тихой пріятной радости, — тотъ развиваетъ въ себѣ бадганъ.

Многое зависитъ отъ окружающихъ *атмосферныхъ и почвенныхъ условій*. Въ странахъ холодныхъ, сухихъ, вѣтреныхъ развивается хи, въ жаркихъ—шара, въ сырыхъ, низменныхъ, туманныхъ—бадганъ. Вообще, при восходѣ солнца и при закатѣ его,

¹⁾ Омуль изъ семейства лососевыхъ; консервируется въ Прибайкальѣ ниже всякой критики.

когда обыкновенно атмосфера неспокойна (бывает вътеръ), входитъ въ силу хи; въ полдень и въ полночь—шара, а въ вечернія сумерки и во время утренней предразсвѣтной полумглы—бадганъ. Весною развивается хи, лѣтомъ шара, а осенью бадганъ.

По возрастамъ эти эссенціи получаютъ преобладаніе въ слѣдующемъ порядкѣ: въ дѣтствѣ и отрочествѣ у человѣка обнаруживается преимущественно развитіе бадгана; въ юности и въ зрѣлыхъ лѣтахъ имѣть перевѣсь шара, наконецъ въ старости накапляется хи.

Въ зависимости же отъ особенностей прирожденнаю сложенія замѣчается различіе въ слѣдующихъ внѣшнихъ признакахъ.

Если въ организмѣ человѣка пропорціонально сильнѣе развита эссенція хи, то такой субъектъ обыкновенно бываетъ низкаго роста, держится сгорбившись, вообще сухъ, тощъ, блѣденъ, легко зябнетъ, мало, некрѣпко спить, разговорчивъ до болтливости, смѣшилъ, изъ-за пустяковъ бранится, вѣчно насвистываетъ или мурлычитъ себѣ подъ носъ, богатствъ копить не умѣеть, до старости не доживаетъ, иначе сказать,—заключаютъ тибетскія книги,—похожъ на лисицу или ворону.

Преобладаніе эссенціи шары выражается другими признаками: такие люди роста средняго, съ румяно-желтоватымъ оттѣнкомъ кожи, съ рыжеватыми волосами, часто пьють, ибо съ трудомъ переносятъ голодъ и жажду, сильно потѣютъ, средней продолжительности жизни, вспыльчивы, отличаются зажиточностью, остроуміемъ, щедростью, смѣлостью,—подобны по душевнымъ качествамъ тигру и обезьянѣ.

Болѣе сильное развитіе бадгана отличается слѣдующими характеристическими чертами: тѣлосложеніе плотное, роскошное, съ округленными формами, лицо полное, бѣлое, торсъ выгнутый назадъ, съ гордымъ видомъ; такой человѣкъ очень терпѣливъ, нечувствителенъ къ внѣшнимъ перемѣнамъ температуры (теплу, холоду), легко переносить всякия мученія, боль, голодъ, жажду; сонъ всегда крѣпкій; изъ себя не выходитъ, не вспыльчивъ; богатъ, долговѣчный,—уподобляется льву.

Эти послѣднія описанія напоминаютъ намъ холерический (отъ хи), сангвинический (отъ шары) и флегматический (отъ бадгана) темпераменты.

Познакомившись, такимъ образомъ, съ основными воззрѣніями тибетской медицины на міръ и человѣка, посмотримъ ближе характеръ изложенія науки. Для образца развернемъ *Зажудъ*— первую изъ четырехъ главныхъ книгъ, входящихъ въ составъ обширной священной энциклопедіи буддистовъ Ганжура-Данжура. Чтобы не уклониться отъ подлинника, я вынужденъ сохранить негладкости перевода моихъ толмачей. Это —

„Книга, содержащая введеніе въ курсъ тайной живительной науки (центръ или сердце святой воды), имѣющей восемь главныхъ отдѣловъ (вѣточекъ)“.

Тутъ сначала идутъ санскритскія слова, означающія также название сочиненія. Затѣмъ—текстъ тибетскій или монгольскій.

„Издревле прошедшему всѣ степени совершенства (покорившему въ себѣ всѣ волненія страсти), истинно отъ начала вѣка сіяющему синимъ, какъ лазурикъ, свѣтомъ, — Господу Богу Отоши-Ламѣ поклоняюсь.

„Издревле съ безконечнымъ милосердіемъ подающій помошь всѣмъ одушевленнымъ, всѣми называемый спасителемъ отъ мученій нашей прирожденной судьбы, ты, Отоши-Лама, очищаешь отъ трехъ главныхъ ядовитыхъ началъ¹⁾. Тебѣ, въ лазуревомъ свѣтѣ пребывающему, я поклоняюсь!

„Слыхалъ я, что въ одно время жилъ пустынникъ-заклинатель въ славившемся лѣкарствами городѣ, называемомъ „на видъ прекраснымъ“, по разсказамъ, владѣющемъ всѣми пятью сортами драгоцѣнностей²⁾.

„Тамъ есть неисчислимо богатый дворецъ; украшенія его—разные лѣкарственные сокровища; и эти сокровища, разныхъ разрядовъ сильнодѣйствующія средства, очищаются отъ болѣзней хи, болѣзней шары, болѣзней бадгана, отъ сошедшихся болѣзней, отъ (скомбинированныхъ) соединившихся болѣзней³⁾, отъ разныхъ приключающихся 404-хъ болѣзней. Болѣзни съ жаромъ дѣлаются жесткими, болѣзни холодныя становятся прахомъ, т. е. всѣ проходять: „устраняются всѣ восемьдесятъ тысячъ (внутреннихъ) напастей“.

¹⁾ Т. е. разстройствъ хи, шары, бадгана; въ учебникахъ примитивной медицины очень часты выраженія: „отъ глазъ“ или „отъ головы“ — вместо „отъ болѣзни глазъ“, „головной боли“.

²⁾ Пять драгоцѣнностей: золото, серебро, моржаны (кораллы), жемчугъ, лазурикъ.

³⁾ Т. е. одна изъ болѣзней можетъ начаться съ головы, другая—съ колѣна; обнаружатся смѣшанные симптомы.

„Но желающій успѣха долженъ, вообще, исполнить дѣло съ разумѣніемъ.

„Въ томъ городѣ южная сторона именуется солнечной. Съ этой стороны гора преисполнена (насквозь) особой силы, производитъ гранатовое яблоко (сымбыръ), простой перецъ (налишамъ) и длинный перецъ (библинъ); смѣсь ихъ очищаетъ холодныя (простудныя, т. е. безъ повышенія температуры тѣла—куйтунъ) болѣзни. Существенный вкусъ лѣкарствъ—жгучій (горячій), кислый, соленый; и сила ихъ—горячая, ъдкая (острая). Изъ лѣсу и луга, находящихся тутъ, идетъ и стебель, и вѣтви, и листья, и цветы, и сѣмя—все исполнено благоуханія, на глазъ красиво, на вкусъ и запахъ пріятно, дѣйствуетъ отъ всякой холодной (простудной) болѣзни.

„Въ томъ городѣ сѣверная сторона называется сѣньюжной. Гора преисполнена силы лунной, производить разные кипарисы, камфору, душистое бѣлое дерево (агару, ымбы); смѣсь ихъ очищаетъ (нейтрализуетъ) жаръ, имѣеть вкусъ прѣсный, сладковатый, запахъ приторный, свойство прохладительное и притупляющее (одуряющее). Здѣсь по лѣсу, по мѣрѣ созреванія, и стволъ, и вѣтви, и листья, и цветы, и сѣмя издаются хорошее благоуханіе, на видъ прекрасны, для размышенія пріятны; всѣ лѣкарства дѣйствительны отъ „жарныхъ“ болѣзней (т. е. воспалительныхъ, съ повышениемъ температуры тѣла).

„На восточной сторонѣ города, именуемой „смолистое благоуханіе“, расположена гора, изобилующая кустарникомъ миробалана (арура): корень его очищаетъ болѣзни костей, стебель—болѣзни мяса, вѣтви—страданія полыхъ и сухихъ жилъ, мяко (кора)—болѣзни кожи, листья—болѣзни внутреннихъ полыхъ органовъ¹⁾; цветы—болѣзни органовъ вѣшнихъ чувствъ²⁾, плоды болѣзни плотныхъ органовъ³⁾. Вообще, всѣ пять разновидностей миробалана содержать въ себѣ шесть вкусовъ⁴⁾, восемь силъ⁵⁾, три отличия⁶⁾, семнадцать полезныхъ свойствъ⁷⁾, помогаютъ при всѣхъ болѣзняхъ; запахъ этихъ плодовъ хорошъ, видъ прекрасный, и если ихъ всегда пить, то предупреждаются всѣ 404 болѣзни.

¹⁾ Полыхъ органовъ шесть: желудокъ, толстые и тонкіе отдѣлы пищеварительного канала, желчный пузырь и мочеполовая полость.

²⁾ Глазъ, ухо, носъ, языкъ.

³⁾ Плотныхъ органовъ пять: сердце, легкія, печень, селезенка, почки.

⁴⁾ Прѣсный, горькій, кислый, ъдкій, соленый, сладкій.

⁵⁾ Т. е. и въ пищу пригодны, легко претворяются и въ пищевой сокъ, кровь, мясо, жиръ, кость, костный мозгъ и „сѣмя“.

⁶⁾ Годятся и для усиленія эссенцій: хи, шары и бадгана.

⁷⁾ Идутъ въ употребленіе во всѣхъ 17 аптечныхъ формахъ, о чёмъ будетъ сказано въ текстѣ ниже.

„Западная сторона того же города называется „Малайя“¹⁾. Здесь гора растить шесть лучшихъ лѣкарствъ²⁾, пять сортовъ солей³⁾, пять горныхъ смолъ⁴⁾, пять лѣкарственныхъ (минеральныхъ) водъ, пять горячихъ источниковъ. Шафранъ растеть по всей странѣ, издавая благовонный, смолистый, эѳирный запахъ, подобный лучшимъ курительнымъ свѣчамъ (замѣняющимъ у ламповъ ладанъ). Повсюду встречаются лѣкарственные камни, соли, растенія; а въ лѣсахъ, рощахъ—по деревьямъ фазаны, попугаи, пѣвчія птицы съ пріятными голосами; а въ тѣни деревьевъ ходятъ слоны, медведи, кабарги и прочія животныя, доставляющія лѣкарства.

„А въ кремлѣ (крѣпости)⁵⁾, посреди дворца, на синемраморномъ престолѣ возсѣдаетъ всемогущій, всесовершенный, лазуревый свѣтъ издающій, святой царь, а кругомъ его расположились его товарищи-небожители, всемудрые, владѣющіе силами природы Хармуста, Манза, Шири, Очирвани, Бодисатвы (подробное перечисленіе опускаемъ); съ ними же вмѣстѣ находятся и великие иновѣрцы, а всего четыре разряда: и царь врачей даетъ объясненія, а его слушаютъ, и каждый понимаетъ на своемъ языкѣ“.

На этомъ кончается 1-я глава книги Зажудъ; а какъ преподаются уроки медицины, продолженіе слѣдуетъ во второй главѣ:

„Однажды Отоши (перечисляются всѣ его эпитеты) вздумалъ заняться созерцаніемъ⁶⁾.

„И только что онъ погрузился въ созерцаніе,—тотъ же разъ изъ его сердца вышло сто тысячъ разныхъ лучей, и разсѣялись они во всѣ десять странъ свѣта⁷⁾ и очистили всѣ одушевленныя существа отъ пороковъ ихъ, смирили три „вредныхъ начала“

¹⁾ Малайя—слово санскритское, остается безъ перевода и въ тибетскомъ, и въ монгольскомъ текстѣ.

²⁾ Гвоздика, мускатный орехъ, кардамонъ, бѣлый и красный кипарисъ, шафранъ.

³⁾ Жончи: нашатырь, бура, селитра, магнезія, гужиръ, (т. е. глауберова соль).

⁴⁾ Бракчунъ—горный асфальтъ; буддисты считаютъ его изверженіями бѣлой каменной мыши: дѣйствительно, часто находятся залитыми въ этой смолѣ органическія вещества; грызутъ эту смолу отъ кашля, при желудочныхъ страданіяхъ, особенно люди „чахнущіе“.

⁵⁾ Олимпъ буддистовъ зовется горою Сумберъ.

⁶⁾ Созерцатель не принимаетъ пищи, сидѣть неподвижно, выпрямивъ свой позвоночный столбъ въ вертикальную линію, поджавъ ноги, и галлюцинируетъ.

⁷⁾ Восемь ромбовъ нашей розы: N, NW, W, SW, S, SE, E, NE, и два направления: вверхъ и внизъ отъ горизонтальной плоскости.

всѣхъ болѣзней¹⁾, а затѣмъ всѣ лучи вернулись: обратно взошли въ сердце бога.

„Тогда великий волшебникъ (заклинатель), сидѣвшій на южной сторонѣ небеснаго свода, сталъ сговариваться со своими товарищами, говоря такъ: „если кто хочетъ врачевать болѣзни, сподоблять долговѣчной жизни, освобождать живыхъ отъ мученій физическихъ, тотъ долженъ учиться; надо просить науки у Отоши, чтобы онъ сотворилъ книги, указалъ средства исцѣленія.

„Межу тѣмъ царь врачей снова погрузился въ созерцаніе, испустилъ изъ языка своего сто тысячъ разноцвѣтныхъ лучей, кои наполнили вселенную, разсѣявши съ въ десяти странахъ свѣта, очистили всѣхъ одушевленныхъ отъ „язычныхъ пороковъ“, отъ поврежденій нечистыхъ духовъ, — и, успокоивъ всѣ существа, свѣтъ назадъ въ языкъ бога взошелъ.

„Тогда великий заклинатель, „отъ разума“ рожденный, одаренный чудодѣйственной силой, поклонился богу и, обойдя вкругъ престола со львинымъ видомъ, остановился и спросилъ отъ имени товарищей и отъ себя: „О великий, владѣющій божіимъ разумомъ! соблаговоли намъ отвѣтить! открой людямъ науку исцѣленія болѣзней“.

И Отоши сталъ учить. Сначала онъ перечислилъ названія священныхъ книгъ медицинскихъ; затѣмъ, выслушавъ новые вопросы учениковъ, перешелъ къ изложенію теоріи.

„Медицина имѣеть восемь главныхъ вѣтвей (отдѣловъ), трактующихъ о болѣзняхъ: общихъ, дѣтскихъ, женскихъ, отъ злыхъ демоновъ происходящихъ, отъ травматическихъ поврежденій (раны), обѣ отравленіяхъ, о маразмѣ старческомъ, о поддержаніи „юношескихъ“ ослабѣвшихъ „силь“...

Всѣхъ формъ поданія помощи пересчитывается семнадцать: микстура²⁾ (танъ), порошки³⁾ (талханъ), пилюли, масла, пепельные лѣкарства⁴⁾, выварки⁵⁾ (хандо), вина, драгоцѣнности, тра-

¹⁾ Хи, шара, бадганъ часто называются „ядами“, „вредными началами“.

²⁾ Для микстуры заваривается порошокъ, какъ чай, и затѣмъ кипятится, пока не испарятся двѣ трети жидкости; конечно, такое лѣкарство содержитъ въ себѣ много сконцентрированной стихіи огня, почему употребляется лишь при усиленіи эссенцій хи или бадгана.

³⁾ Обыкновенно порошки даются сухими, запиваются сырой водой, при сильномъ развитіи эссенціи шары.

⁴⁾ Чаще пережигаютъ животные продукты или металлы съ органическими веществами, чтобы получить золу, соль.

⁵⁾ Выварки бываютъ гуще меда, совершенно въ видѣ смолистыхъ экстрактовъ.

вы слабительные, рвотные, носовые (т. е. нюхательные или чихательные средства), кровометание¹⁾, моксы²⁾, припарки³⁾, примочки, мази.

Затѣмъ преподается, что тѣло человѣка состоитъ изъ *двадцати пяти тканей*, а именно слѣдующихъ:

Пять видовъ эссенціи хи: 1) *дыхательное*—помогаетъ глотать, вбирать въ себя воздухъ, выплевывать, чихать, отрыгать, разбираться съ мыслями; 2) *вверхъ подымающее*—помогаетъ открывать вѣки, ротъ, ворочать языкомъ, обонять, „двигаетъ“ человѣка на выдумки, изобрѣтенія; 3) *по всему тѣлу дѣйствующее*,—центръ его въ сердцѣ, отъ него зависитъ чувство онѣмѣнія, явленіе гусиной кожи, оно заставляетъ ежиться, корчиться, волнуетъ мысли, можетъ довести до сумасшествія или бреда; 4) *равно распредѣляющее теплоту тѣла*—отдѣляетъ усвоимыя вещества отъ непитательныхъ въ пищѣ, уносить „млечный сокъ“ въ печень, вообще, помогаетъ правильной переработкѣ тканей, соковъ организма и регулярно перемѣщаетъ ихъ; 5) *очистительное хи*—составляетъ, напримѣръ, сущность изгоняющихъ силъ при родахъ.

Пять видовъ шары: 1) *пищементирующая кожу эссенція*; 2) *проясняющая зрѣніе*, потому что безъ пламени въ хрусталикѣ глаза нельзя освѣтить окружающихъ предметовъ, а слѣдовательно, и видѣть ихъ; 3) *пищеварительная*—находится въ желудкѣ, обусловливаетъ скисаніе, броженіе принятой пищи; 4) *окрашивающая хилъ* (млечный сокъ), причемъ изъ него вырабатывается кровь; 5) *сердечная шара*, производящая разныя желанія, память, склонность къ щедрости.

Пять видовъ бадгана: 1) *желудочный*—умягчаетъ пищу; 2) *сочленовный*—держитъ суставы въ неразрушаemости, въ слипаніи, въ соединеніи⁴⁾; 3) *вкусовой*, т. е. составляющій сущность вкуса;

1) Къ кровопусканію, обыкновенно, подготавляютъ пациента особымъ лѣкарствомъ съ плодами миробалана.

2) При прижиганіяхъ также даютъ предварительно лѣкарство внутрь (съ плодами же миробалана); сами моксы приготавляютъ я плотные при болѣзняхъ хи, изъ древеснаго пуху (летучекъ сѣмянъ сложноцвѣтныхъ) при болѣзняхъ бадгана.

3) Конечно, припарка сырая идетъ лишь при болѣзняхъ хи, а при бадгана надо брать сухую шерсть (баранью или верблюжью).

4) По нашимъ понятіямъ эту работу дѣлаетъ наружное атмосферное давленіе.

- 4) *органический* — увлажняетъ всѣ органы: мозгъ, глаза и проч.;
 5) *удовлетворяющій*, т. е. вызывающій сонъ, чувство насыщенія, покоя.

Затѣмъ слѣдуетъ *семь сохраняемыхъ тканей* нашего тѣла: онѣ перечисляются въ порядкѣ послѣдовательнаго развитія, потому что чрезъ сутки, обыкновенно, сначала названная ткань уже проходитъ въ высшую организацію; впрочемъ, этотъ процессъ можетъ затягиваться и на цѣлый мѣсяцъ. Первая дѣвъ жидкія ткани уже пришлось назвать выше: это — *хилъ* (млечный сокъ) и *кровь*. За ними будетъ *мясо* (нельзя сказать мускуль или мышца, потому что нѣть представленія о свойствѣ сократительности въ этой ткани, — она измѣняетъ свою форму совершенно пассивно, всѣми движеніями управляетъ хи (воздухъ), а мясо служитъ, собственно, для штукатурки нашего тѣла). Далѣе слѣдуетъ *жиръ*, а изъ него образуется *кость*, которая въ себѣ выдѣляетъ *мозгъ*, все равно одинаковый, какъ въ костяхъ голени, такъ и въ позвоночникѣ, и въ полости черепа. Мозгъ уже представляеть собою то „вспаханное поле“, гдѣ произрастаетъ *съмъ*, зерно жизни, выдѣляемое чрезъ центрально скрытыя, внутреннія почки (у женщинъ — *краски*).

Наконецъ, еще считается *три* рода *эскрементовъ*, отсѣдовъ, образующихся во время постепенного метаморфоза сохраняемыхъ тканей, напр. при переходѣ жира въ кость остаткомъ является выдѣляющійся потъ.

Такъ перечислены всѣ двадцать пять тѣлесныхъ элементовъ. Разъ происходитъ какое-нибудь измѣненіе въ организмѣ, — увеличивается или уменьшится количество какихъ-либо изъ 25 элементовъ, — то такое ненормальное отклоненіе и обнаружится болѣзнью. Напримѣръ, если кто-либо долго былъ на сквозномъ вѣтру, потерялъ много крови или другихъ соковъ организма (рвотой, поносомъ), у того чрезмѣрно усиливается хи. Кто же вынесъ побои или упалъ съ высоты, у того накопится шара. Всѣхъ различныхъ болѣзней, гдѣ заинтересована, усилилась эссенція хи, — 42, шара — 26, въ зависимости отъ бадгана — 33; такимъ образомъ всего выходить главныхъ 101 болѣзнь, но различные сочетанія ихъ умножаютъ эту цифру до 404. Но перечисленія названій этихъ болѣзней нигдѣ нѣть въ священныхъ книгахъ, да и не требуется: для лѣченія надо знать лишь то, какая эссенція разстроилась.

Распознаваніе болѣзней по идеѣ очень просто: многое можно заключить уже изъ разсказа, отъ какой причины, при какомъ образѣ жизни началась болѣзнь; еще болѣе дадутъ материалу видимые припадки, напр.: нытье въ костяхъ, переходящее колоть то тутъ, то тамъ, потягота, судороги, бредъ, первное состояніе, головная боль, вздутіе, ползанье мурашекъ по тѣлу—укажутъ на болѣзнь порядка хи; жаръ, кислый вкусъ во рту, боль въ груди постоянная (будто гвоздь насквозь проткнуть), потемнѣніе въ глазахъ (конечно, субъективное), тугость слуха, неясность мыслей—будутъ свидѣтельствовать о ненормальномъ накопленіи шары; отсутствіе аппетита, полная апатія, упадокъ силъ, похолодѣніе тѣла—являются при усиленіи бадгана.

Но главный диагнозъ болѣзни ставится по *біенію жилъ, языку*. Однажды я имѣлъ консиліумъ съ ученымъ ламой у больного, находившагося въ бѣлой горячкѣ послѣ продолжительного неумѣренаго употребленія водки. Главнымъ выдающимся симптомомъ болѣзни было, по словамъ окружающихъ, сумасшествіе его: действительно, онъ поминутно прислушивался къ тому, что слышалось ему то изъ-подъ пола, то съ потолка, причемъ изъ отвѣтovъ его было видно, что разговоръ происходилъ то съ мышами, то съ птицами, которыя угрожали чѣмъ-то больному, такъ что онъ все пытался куда-нибудь убѣжать. Очевидно, въ больномъ бунтовало „хи“; но разстройство этой эссенціи не было главнымъ. Взявъ обѣ руки пациента за середины предплечій, лама внимательно ощупалъ мышцы, сухожилія, сквозь нихъ могъ случайно нажавть и на артерію, но особенно не старался ее найти; по изслѣдованію онъ нашелъ мелкія дрожанія, пульсъ сильно бьющійся, что свойственно болѣзни шары (при хи пульсъ высокій, пустой; при бадганѣ—глубокій, вялый, медленный); осмотръ языка, оказавшагося влажнымъ, съ желтымъ, мало пѣнистымъ налетомъ, подтвердилъ распознаваніе; при этомъ лама, потребовавъ чайную ложечку, соскоблилъ рукояткой ея часть налета съ верхней поверхности языка, а затѣмъ, во второй разъ, и снизу его: налетъ и на ложечкѣ оказался желтоватымъ (при хи—языкъ жесткій, сухой, красный; при бадганѣ мягкий, блѣдный, съ толстымъ слоемъ налета). Итакъ, въ нашемъ случаѣ *бѣлой горячки* усилилась шара и притѣснила къ верху хи, которое въ макушкѣ головы и забунтовало.

Но есть еще способы определения болѣзней и по другимъ признакамъ. Напримѣръ, *кашель*: сухой—отъ хи, съ ржавой, красной мокротой—отъ шары, съ густой бѣловатой—отъ бадгана; или *бѣльмо на глазу*: синеватое, дымкой—отъ хи, желтоватое—отъ шары, бѣлое толстое—отъ бадгана.

Такимъ образомъ, рационалистическая тибетская медицина все легко можетъ объяснить и подвести подъ формулу „хи, шары, бадгана“. Легко предвидѣть, въ чёмъ будетъ состоять и лѣченіе болѣзней. *Жаръ* („воспалительные болѣзни“) придется пользоваться холодными средствами, водянку сухими, и наоборотъ. При болѣзняхъ хи надо будетъ усиливать соотвѣтственно эссенціи шару и бадганъ, т. е. давать лѣкарства вкуса жгучаго, кислаго, соленаго, сладкаго, вообще тяжелыя, какъ соли, земли, водныя; при страданіяхъ хи можно дѣлать притиранія (массажъ) масломъ, ставить промывательные, чего, конечно, ни одинъ лама не осмѣлился предложить больному бадганомъ, ибо онъ оказался бы круглымъ невѣждой, а мы, европейскіе врачи, сплошь это (мази и клистиры) дѣлаемъ и старики, и дѣти, и не понимаемъ, что это можетъ или могло когда-нибудь считаться вреднымъ!..

Для характеристики лѣченія болѣзней отряда хи еще приведу разсказъ одной больной, страдающей съ годъ *малокровіемъ*, вызваннымъ потерей крови при трудныхъ родахъ, затѣмъ неумѣстно соблюденнымъ постомъ и нерациональнымъ лѣченіемъ. Вотъ ея жалоба:

„Въ ушахъ у меня постоянно такъ и гудить, а какъ въ голову шумъ сильный взойдетъ—въ макушкѣ адали (будто) лягуша скачеть, въ вискахъ пореть, пореть, а не проломить... Хоть бы проломило!... Въ бокъ вступить, вертакъ въ спинѣ ёсть, потомъ того обратится въ зудъ... ну, ужъ и маетъ!... это адали какой вѣтеръ худой попалъ... Хоть бы потрафить, какую леготу даль... Пойду,—будто изба такъ и валится...“

„Чѣмъ же лѣчилась?“—спрашиваю я.

„Смодень (измодень) траву пила: такая есть отъ бѣлой грыжи женской, сбѣла желтеньки цвѣточки у ней, сама колкая, будто сосулечки... Ну, еще челибуху пила, дороги коренья наставала, да все проку нѣтъ. Вотъ къ ламъ обращалась, онъ сказаль, дастъ пьяныхъ задачекъ, да на макушкѣ хотѣль разрѣзать, трутъ зажечь... Но я побоялась что-то.“

Такимъ образомъ, болѣзнь хи лѣчится и *моксами* (прижиганіями), причемъ какъ бы вводится въ тѣло больного стихія огня, и уси-

леніемъ шары усмиряется хи: этотъ способъ у ламъ одинъ изъ любимыхъ. Еще надо отмѣтить изъ діэты при хи—*костяной супъ*, т. е. отваръ изъ пятоной кости, колѣнной и тазобедренной или лопаточной чашечекъ; конечно, такой бульонъ изъ сочныхъ жирныхъ костей вбираетъ въ себя много плотныхъ веществъ, которыя придавятъ „воздухъ“.

Болѣзни шары пользуются лѣкарствами твердыми, горькими, холодными, сырыми, легкими, рекомендуются при этомъ слабительные ванны и *кровопусканія*. Въ послѣднемъ искусствѣ ламы большіе виртуозы: открываютъ „жилы“ ¹⁾ и на лбу, и на затылкѣ, и у крыльевъ носа, и около пятокъ. При своей операциіи ламамъ приходится наводить справку по календарямъ, въ какомъ суставѣ въ данный день находится *душа*. Этую „душу“ называютъ еще жизненной силой, электричествомъ, но едва ли удачно. Она въ первое лунное число находится въ крайнихъ сочлененіяхъ пальцевъ ногъ: лѣвой у мужчины, правой у женщины; затѣмъ все поднимается выше—въ колѣно, плечо—и въ серединѣ мѣсяца достигаетъ темени (здѣсь находится такъ называемое „дымовое отверстіе“) и переходитъ на другую сторону тѣла. При смерти человѣка заботятся, чтобы душа вышла именно чрезъ темя, для чего принимаютъ особыя *пилюльки* ²⁾, освященные Далай-Ламой или гыгэномъ, часто приготовленныя изъ ароматического тѣста съ частицами тѣла хубилгана ³⁾. Итакъ, если по календарю душа находится въ томъ суставѣ, откуда надо кровьпустить, то операцию откладываютъ.

Болѣзни бадгана — кромѣ лѣкарствъ (особенно рвотныхъ), предписанія моціона, — пользуются еще прижиганіями и припарками, только эти припарки (*согрѣвающіе компрессы*) устраиваются хитроумно, безъ жидкостей, не изъ плотнаго матеріала, а пропитанаго воздухомъ,—именно изъ мохнатой шерсти барана, волка,

¹⁾ То вены, то артеріи, т. е. то выпускаютъ одну кровь, то вмѣстѣ съ „хи“, „жизненнымъ воздухомъ“.

²⁾ Въ pendant припомню, что наши „семейскіе“, уходя на промыслы, въ военную службу, иногда берутъ съ собою, для „смертнаго часа“, „причастіе“, заключенное въ воскъ, въ видѣ *юрошины*.

³⁾ Хубилганъ—перерожденецъ, носитель духа святого. Гэгэнъ—святитель.

рыси; точно также и для моксъ берется рыхлая масса (пухъ растительный) ¹⁾.

Теперь мы ознакомились съ главными принципами тибетской медицины. Детали понятны сами собою; но для полноты еще скажу, что лѣченіе одной и той же эссенціи будетъ различно, смотря по мѣсту болѣзни, по органу, подвергнувшемуся заболеванію. Такъ, если предъ нами страданіе почечное (въ этотъ отдалъ тибетская наука помѣщаетъ всякую тупую боль въ поясицѣ—часто простой мышечный ревматизмъ; сюда же относятся болѣзни неправильного выдѣленія упомянутаго продукта мозга, напримѣръ, съ желтой водой—гноемъ), то естественно лучше выбрать изъ лѣкарствъ сѣмена, по формѣ, даже цвету напоминающія почку, каковы бобы; въ пищу такимъ больнымъ рекомендовать мясо коня, осла, потому что ноги этихъ животныхъ одѣты однимъ копытомъ, похожимъ на почку же.

Можетъ быть кто-нибудь изъ старожиловъ Забайкалья, близко видѣвшій ламъ-лѣкарей, готовъ остановить меня и сказать, что я подчеркиваю курьезы, говоря о томъ, что не составляетъ важности въ тибетской наукѣ, что случаи излѣченія тяжелыхъ болѣзней ламами несомнѣнны; что, еслибъ дѣйствительно такъ слаба, наивна была теорія тибетской медицины, то она должна была изгнать много полезныхъ, а примѣнять сплошь и рядомъ бесплодные способы лѣченія.

Я предвижу такое возраженіе и могу сказать на него слѣдующее:

Безспорные случаи излѣченія трудныхъ болѣзней ламами наблюдаются не рѣже, чѣмъ въ практикѣ знахарей; но *рационалистъ лама*, на самомъ дѣлѣ, обязательно преслѣдуje употребляющихъ эмпирические рецепты, какъ бы они ни соответствовали болѣзни, разъ есть разнорѣчие съ ортодоксальной теоріей.

Но, спросить меня, развѣ существуютъ среди ламаитовъ лѣкари, невполнѣ усвоившіе свою несложную, всеобъемлющую догматику?

Да, существуютъ. Ламаизмъ привился сравнительно недавно къ монголамъ (и бурятамъ), онъ нашелъ уже у этого народа

¹⁾ Слѣдовательно, весьма часто полнокровному человѣку, страдающему „бадганомъ“, лама откажется пустить кровь, но откроетъ жилы больному истощенному, если есть признаки „хи“ или „шары“.

сложившимися нѣкоторые медицинскіе рецепты, часть оныхъ усвоилъ себѣ, а часть пытался и пытается до сихъ поръ уничтожить.

Тутъ можетъ явиться еще недоумѣніе. Тибетская медицина изложена въ древнихъ священныхъ книгахъ, текста которыхъ нельзя теперь измѣнить; какимъ же образомъ могли войти въ практику у ламъ нѣкоторые изъ простонародныхъ пріемовъ лѣченія?

Дѣло въ томъ, что фундаментальная медицина очень объемиста: кромѣ 5 большихъ томовъ содержать еще нѣсколько монографій. Гдѣ же подъ силу это выучить каждому лѣкарю ламъ, когда онъ, предварительно, долженъ выдолбить наизусть на тибетскомъ діалектѣ псалмопѣнія, обращенные къ десяткамъ разныхъ смирныхъ и суровыхъ божествъ? Понятно, что издавна появились экстракты изъ медицинскихъ книгъ („жоры“) въ видѣ практическихъ лѣчебниковъ (на подобіе кулинарныхъ руководствъ). Вотъ эти-то лѣчебники, не вошедшие въ кругъ каноническихъ книгъ, произвольно мѣнялись и мѣняются переписчиками. Малообразованные ламы, видя кругомъ себя удачу и отъ станичныхъ мѣстныхъ способовъ лѣченія, часто записывали и ихъ. Естественно, что ученые лѣкари, обыкновенно гнушаются такими лѣчебниками, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, берутся и за нихъ, чтобы дать руководство своимъ ученикамъ, причемъ наиболѣе популярные рецепты стараются исправить.

А это не трудно, потому что практика тибетской медицины очень растяжима. Впервыхъ, изъ видовъ удобопримѣнимости лѣкарствъ, тибетская медицина приготовляетъ ихъ, главнымъ образомъ, въ видѣ порошковъ (сохранляемыхъ въ кожаныхъ мѣшечкахъ, такъ какъ кочевнику неудобно имѣть стеклянную посуду), причемъ всегда прибавляется такое количество безразличныхъ веществъ, чтобы на пріемъ взрослому приходилась чайная ложка сиѣси. Во вторыхъ, часто не рѣшается опредѣлить разстояніе какой эссенціи преобладаетъ: хи, шары, бадгана или крови,—тибетская наука иногда предлагаетъ въ составъ лѣкарства братъ средства противъ каждой изъ этихъ эссенцій. Слѣдовательно, достаточно ламъ къ простонародному средству прибавить то, что слѣдуетъ по его теоретическимъ соображеніямъ, чтобы вышелъ хороший рецептъ.

Но если тибетская медицина, построивъ изложенную нами философскую схему, примѣняетъ ее къ дѣлу, то часто должны постигать и лѣкарей, и больныхъ разочарованія. Неужели неудачи не могутъ заставить никого изъ ламъ задуматься надъ несостоятельностью ихъ основныхъ доктринальныхъ положений?

Нѣтъ, встрѣчаются ламы, которые признаютъ тщету лѣкарствъ. Но это не доказываетъ, что зародился научный скептицизмъ, что начинается работа мысли. Эти чуткіе, добросовѣстные ламы, зная теорію, не практикуютъ изъ принципа *покорности судьбы*, что исповѣдуютъ и нѣкоторые наши старообрядцы, говоря: „богъ не даромъ приходитъ, грѣшно отстранять ее отъ себя“. На пути развитія свободнаго научнаго изслѣдованія у ламаистовъ стоять пока непреодолимыя препятствія,—это *мистическая склонность лѣчящихъ и лѣчящихся*.

Подъ этимъ мистицизмомъ я разумѣю не только лѣченіе психическимъ вліяніемъ, но и астрологію. Къ методу психическихъ внушеній относятся *заговоры*, *амулеты*, симпатическая средства, отчитыванія—*иурумы* (такъ удивительно напоминающія грубые гипнотические сеансы),—и всѣ эти способы вообще нравятся человѣчеству и упорно держатся въ немъ, благодаря попустительству истинныхъ раціоналистовъ, которые часто говорятъ: „чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало“. Но если еще безразличное отношеніе къ лѣченію нашептываніями, *иннозомъ*, имѣть за собою нѣкоторое историческое оправданіе,—въ невозможности просвѣтить скоро массы, отучить ихъ отъ слѣпой вѣры въ сношенія съ сверхъестественными силами, демонами,—то про астрологію должно отзваться съ неумолимою строгостью.

Наши старообрядцы употребляютъ „зернометку“¹⁾ какъ игрушку, гадаютъ ради шутки,—а ламаисты стараются всю свою жизнь расположить согласно предписаніямъ астрологіи. Въ каждомъ дацанѣ есть особый штатный уважаемый лама—*зурхай-чи*, кото-

¹⁾ Иначе зовутъ „Соломоновъ кругъ“. Конечно, онъ потерялъ всякий кредитъ, потому что упрощенъ, общедоступенъ. Астрологія же бурятская въ такой силѣ, что часто замѣняется у насъ de facto официальную слѣдственную часть, помогаетъ разыскивать пропавшаго коня, деньги. Извѣстно, что не погнушался прибегнуть къ такому способу даже одинъ Селенгинскій исправникъ, уроженецъ Сибири!.. Можно ли много удивляться значенію астрологіи въ медицине?..

рый ведеть „календарь“, наводить справки о немъ. Каждый годъ, мѣсяцъ, день и часъ посвящены особому божеству, особой планетѣ, особой стихіи, имѣютъ своихъ благопріятныхъ и непріятельскихъ животныхъ. Вторникъ и суббота, вообще, тяжелые дни у бурятъ и монголовъ; существуютъ извѣстныя счастливыя и несчастливыя числа. Смотря по дню рожденія больного, можно предугадать исходъ болѣзни и способъ ея лѣченія, напр.: „ты родился въ стихію огня, въ годъ свиньи, заболѣлъ во время господства стихіи воды, — тебѣ надо сдѣлать прижиганіе и принять внутрь жженой свиной крови“. Но этого мало. Астрологія занимается и профилактикой: она учитъ сдѣлать то-то въ предупрежденіе болѣзни, напримѣръ, родильницѣ не касаться годъ огня, чтобы былъ здоровъ ребенокъ.

Благодаря господству астрологіи, прочно держатся среди ламаитовъ и прочія суевѣрія, многія изъ которыхъ были и у насъ, но, оставаясь безъ системы, понемногу исчезаютъ¹⁾. Считаю интереснымъ нѣсколько ближе разсмотреть эти предразсудки, потому что они играютъ большую роль вообще въ жизни ламаита. Сначала познакомимся съ *предзнаменованіями*, какъ они изложены въ священной книгѣ „Ши майжутъ“.

„Если придутъ отъ больного и застанутъ „ламу“ торопящимся куда-либо, испугавшимся, держащимъ въ рукѣ камень, или кирпичъ, грѣшнымъ дѣломъ занятымъ, нарядившимся въ неподобающую одежду, грубо съ кѣмъ-либо изъясняющимся, бранящимся, оскалившимъ зѣбы, рѣжущимъ что-либо, — то больной умретъ. Однаково нехорошо, если что-либо подобное „лама“ найдетъ въ домѣ больнаго.

Еще худыя примѣты: въ дорогѣ встрѣтить кошку, обезьяну, выдру, змѣю, увидѣть плачущаго или услышать о чьемъ-либо убийствѣ и смерти.

Нехорошо, если безъ вѣтру огонь гаснетъ, посуда сама расколется, если приходится изъ дома отпускать простоквашу, ярицу (или другое зерно).

У больного слѣдующіе признаки зловѣщи: если онъ скажетъ что-либо и сейчасъ же забудетъ сказанное; если безъ причины

¹⁾ Какъ остатки циркулируютъ „сонники“, „гороскопы“ — имитациіи Брюсову календарю.

кровь пойдетъ изо рта и ушай, носу; если голосъ очень слабъ даже при кашлѣ и чиханіи; если не слышитъ чада отъ потушеної сальной свѣчи; если не чувствуетъ прикосновеній къ волосамъ, макушка головы масляна, на вихрѣ волоса станутъ жестки, растопырятся. Еще хуже: если въ глазахъ не видно „пламени“ (т. е. въ хрусталикѣ отраженія свѣта) и глазъ имѣть видъ заячьяго; если на зрачкѣ въ глазу образуется ямка; ушныя раковины „прилипнуть назадъ“ къ головѣ; больной шума не слышитъ; отъ черепа тѣни нѣтъ; на языкѣ—черная сухая ложбинка, языкъ короткій, словъ не можетъ произносить; нижняя губа отвисаетъ, верхняя вздернута, зубы тусклые, лицо пыльное; дыханіе холодное и частое.

Существуютъ и *благопріятныя примѣты*. Хорошо видѣть, какъ разжигаютъ огонь, заносятъ домой хлѣбъ, простоквашу, всякие напитки, украшенія. Хорошо встрѣтить поля съ посѣяннымъ рисомъ, посуду, полную сѣмянъ, колоколъ, свѣчу, цвѣты, бѣлую одежду, изображеніе бурхановъ, много овецъ, лошадей, коровъ.

При этихъ примѣтахъ смѣло можно надѣяться на выздоровленіе больного.

Не менѣе перечисленныхъ примѣтъ имѣютъ значеніе и *сновидѣнія*, показавшіяся во время глубокаго сна.

Кѣ мертвцу: видѣть пропавшаго кота, обезьяну, тигра, лисицу или ъздить на этихъ животныхъ; точно также худо: на порозѣ, лошади, свиньѣ, лошакѣ, верблюдѣ отправляться на югъ; если колючее дерево выростетъ изъ сердца, а на немъ зацвѣтѣтъ лилія; если летишь въ глубокую пропасть; если лежишь на могилѣ; если голова оторвется; если сидишь среди воронъ, гадовъ, вообще плотоядныхъ животныхъ; если съ ноги кожа сойдетъ; если зайдешь въ воду, въ грязи завязнешь; если рыбой проглоченъ; желѣзо или золото копаешь; въ торговлѣ, спорѣ или дракѣ не поставилъ по-своему; собираешь государственные повинности; сына женишь; нагой сидишь; волоса на головѣ или бородѣ бреешь; съ мертвыми вино пьешь, пируешь, пляшешь, пѣсни поешь; красныя одежды, четки видишь.

Напротивъ, къ радости, здоровью и долгой жизни больного другія грезы: бѣлую одежду надѣвать; видѣть висячія украшенія, зонтикъ; находить сѣмена; на гору, на высокое дерево лѣзть, или въ сильную крѣпость попасть; переправляться черезъ воду

на востокъ или на съверъ на лвъ, слонъ, лошади или коровъ; угрожавшей опасности избѣжать; враговъ побѣждать; приносить жертву родителямъ или бурханамъ.

Читая эти цитаты, невольно можно поставить ихъ на ряду съ простонародными миоологическими примѣтами: во многомъ можно отмѣтить психологический интересъ, наблюдательность. Но на сколько сельскохозяйственные примѣты не играли и не играютъ важной роли въ жизни земледѣльца (по своей малой пригодности), настолько соматическимъ примѣтамъ пришлось и приходится вліять на дѣло медицины.

Но считаясь и съ этимъ тормазомъ для прогресса истинной науки, все же можно удивляться, какъ долго и прочно держатся воззрѣнія тибетской мудрости, и какъ не накопится много данныхъ противъ нея въ рукахъ добросовѣстныхъ ламъ, живущихъ въ большихъ центрахъ и имѣющихъ обширную практику. Конечно, объяснить это можно отчасти неимѣніемъ статистическихъ записей, а также и самымъ характеромъ терапіи—искусства лѣченія болѣзней. Весьма часто одну и ту же болѣзнь можно лѣчить разными средствами и повидимому съ одинаковымъ успѣхомъ: можно дать по принципу „противное противнымъ,“ или по правилу „подобное подобнымъ,“ или сдѣлать отвлеченіе (напр. мушкой, слабительнымъ), или, наконецъ, ничего не давать, кромѣ безразличнаго кисленькаго питья, и во всѣхъ этихъ случаяхъ организмъ человѣка окажеть достаточное сопротивленіе болѣзни. Слѣдовательно, въ области медицины застой неизбѣженъ, пока не является новыхъ способовъ тонкаго анализа.

А до сельскаго населенія Забайкалья только въ слабыхъ зачаткахъ доходитъ европейская медицина съ ея методами изслѣдованія. Нетолько еще инородцы пользуются у ламъ, но и крестьянское населеніе поневолѣ къ нимъ обращается, потому что своихъ знахарей-мошкановъ имѣть мало, да и лѣчать они не всѣ болѣзни, собираютъ немногія травки и не имѣютъ запаса столь обильнаго, какой есть у каждого ламы.

Вообще о знахаряхъ у насть свѣдѣній мало, притомъ же многие полагаютъ, что они ограничиваются заговорами и опытомъ, приобрѣтеннымъ лично или полученнымъ по традиціи отъ отца, старика-учителя.

Остающіеся народные врачи вытѣсняются, съ одной

стороны, медиками (особенно въ земскихъ губерніяхъ), съ другой, вновь нарождающимся типомъ эмпириковъ въ родѣ Тимофеева, лѣчащаго всѣхъ одной глиной, или известнаго Иванова, скоро понявшаго, что назвать колесную мазь можно „цѣлительной“, и она найдетъ потребителей ревматиковъ безъ числа.

Мнѣ, при разъѣздахъ по округу въ 40 тысячъ квадратныхъ верстъ и болѣе чѣмъ съ 150.000 населеніемъ, естественно нельзя было игнорировать народную самопомощь и пришлось близко изучить ее.

Третья часть населенія округа—буряты, имѣющіе до 50 болѣе известныхъ ламъ-лѣкарей, не считая костоправовъ и массы малоученыхъ ламъ-лѣчителей. Другую треть населенія составляютъ „сибириаки“ православные, которые лѣчатся и у своихъ же односельчанъ—грамотныхъ обывателей, и у старушекъ, и у торгующихъ китайцевъ, и у прохожихъ поселенцевъ; знахарей известныхъ нѣтъ: все же мнѣ удалось достать одно руководство, служившее старинному врачевателю и носящее заглавіе „Вертоградъ“; давность его письма доходитъ до 80 лѣтъ, но по содержанію гораздо старше 200.

Наконецъ, послѣднюю треть населенія составляютъ старообрядцы, ведущіе болѣе замкнутую жизнь; у нихъ я досталъ травникъ, писанный церковнымъ шрифтомъ лѣтъ 40 тому назадъ (на корешкѣ есть подпись: „Донской козакъ Семерикъ“), но по содержанію восходящій болѣе чѣмъ за 200 лѣтъ.

Итакъ, оказывается, что настоящіе знахари имѣютъ письменныя наставленія, а не довольствуются устнымъ преданіемъ. Откуда же начало этихъ руководствъ? Отъ старыхъ врачей: это ихъ книги, только нѣтъ изложенія теоріи, а одни практическіе совѣты. „Вертоградъ“ напоминаетъ лѣчебникъ, пришедший съ запада, отъ нѣмецкихъ ученыхъ, а „Травникъ“ носить отпечатки греческаго вліянія. Но въ обѣихъ книжкахъ находятся параллели съ тибетской наукой.

Посмотримъ примѣры:

Изъ „Вертограда“. *Горохъ*—не єсть раненому при болячкѣ, ибо болѣзнь умножаетъ, около раны ядрить, производить болѣзнь глазъ, умножаетъ огнь въ нихъ.

Ячмень—отварь лѣчить гортань, трудное глотаніе.

У кого въ головѣ много мокроты (гной изъ ушай течеть),—пусти въ ухо масла коноплянаго, оно же вытягиваетъ у стрѣленыхъ изъ ранъ желѣзо.

Морковь—отъ меланхоліи, при себѣ носить —не бояться ядовитаго звѣря, гада.

Пастернакъ—привѣсить на шею—исцѣляетъ, у кого бедро болѣтъ или кого прибываютъ.

Чеснокъ—даетъ велегласіе, кашель удаляетъ.

Кровь бычья—сгоняетъ веснушки; желчь бычья въ ухо отъ глухоты.

Перецъ—горячъ и сухъ;—часто употребляемый мужчинами, помогаетъ въ движеніи, а женщинамъ праздность придаетъ.

Объ иныхъ растеніяхъ не привожу выписокъ, потому что онъ не прибавятъ новаго для характеристики книги.

Изъ „*Травника*.“ *Отъ окъ или очное зеліе*, т. е. отъ глазной болѣзни (обыкновенно назначенія рецептовъ прописаны красными буквами, киноварью, сверхъ строки): камфоры цареградской да щучью желчь спусти вмѣстѣ да три по очамъ, поднявъ вѣки, станетъ ъсть,—а потомъ перестанетъ тотъ часъ; послѣ парь виномъ теплымъ, чтобы въ очахъ загнилось — бываетъ отъ того милость Божія.

Отъ дьявола: Есть на дубу или на березѣ по гречески омела, а по русски вихорево гнѣздо—вшить въ платье, у кого будетъ, лихолѣвъ никакая порча не придетъ ему.

Еще отъ дьявола: *Чернобыль* кто держитъ въ покояхъ своихъ, духъ нечистый не живеть.

„*Артемизія*“ (чернобыльникъ) играла большую роль на Востокѣ въ древнихъ религіяхъ. Но самые интересные рецепты касаются драгоценностей: это мѣстами почти буквальный переводъ того, что встречается въ тибетскихъ книгахъ.

Отъ водотечной: Магнитъ есть камень, рождается въ индійскихъ горахъ, при брезѣ морскомъ, а цвѣтомъ подобенъ желѣзу, и желѣзо привлекетъ къ себѣ; а который цвѣтомъ аки ярь, тотъ лучше, желѣзо скорѣе къ себѣ привлекаетъ; тотъ камень магнитъ водотечную болѣзнь исцѣляетъ, а камень истертий мелко и всыпать на жаръ-уголье горячее, тогда ливныя и страшныя дѣла покажутся, что невозможно тутъ человѣку стоять.

Отъ дьявола: Адамантъ, діаментъ или твердости неужилыя, а по московски алмазъ, подобенъ нашатырю, а внутри темнѣе камня хрусталия, но блистаніе изъ себя издаётъ, а естествомъ студень и сухъ; а крѣпостью таковъ твердъ, что ни въ огнѣ горить, иными никакими вещами не можетъ вредитися; но точно твердость его мягчится тѣмъ обычаемъ: полагаемъ въ мясо и кровь козлячу, но прежде тотъ козель виномъ напоенъ, петраснаковою (?)

травою накормлень; величество же того камня не бываетъ больше орѣха лѣснаго, а находимъ его въ арабскихъ и китайскихъ странахъ... Аще положенъ будетъ подъ магнитъ камень, тогда сила магнитова одряхлѣеть и омалѣеть, и желѣзо къ себѣ привлечи не можетъ. Аще воинъ тотъ камень алмазъ на лѣвой сторонѣ но-сить или въ оружіи, или въ иныхъ платьяхъ, то тогда опасенъ бываетъ отъ своихъ супостатовъ, отъ всякой лайбы и свербы и отъ навожденія духовъ нечистыхъ.

Кѣ родамъ: по-латыни тотъ камень зовутъ акваляпісъ, а по-арабски гофаръ-адгомакъ, а по-гречески аменавсъ, сирѣчь легостно творить рожденіе женамъ и скотамъ, и птицамъ пристоитъ; и находять его въ индійскихъ горахъ и въ кипрскихъ странахъ; а цвѣтомъ тотъ камень бѣль, и звукъ изъ себя издаєтъ, какъ бы въ немъ иной камень колеблется, а егда его разбіютъ, тогда въ немъ иной камень обрѣтешь, величествомъ съ орѣхъ лѣсной. Сепаріонъ мудрецъ пишетъ, что тотъ камень орлы вносятъ въ гнѣздо свое и полагаютъ его подъ самками, и тогда дѣти свои безъ болѣзни рождаются. И рождающимъ женамъ привязываютъ его къ лѣвой сторонѣ, и тогда легостное рожденіе творятъ. Тотъ же камень-орель отъ смертнаго окорму и отъ падучей болѣзни избавляетъ.

Подобныя же подробности и относительно растительныхъ лѣкарствъ, напримѣръ:

Каманъ—зеліе сухо и тепло; коли кровь пускать, и ты держи его во ртѣ, и лихую кровь гонить, а добрая остается.

Или: *Корица* есть тепла и суха, а имѣть силу, кто ее порану єсть, у того весь кашель и тяжелость въ грудяхъ угонить и оздравляеть мозгъ въ головѣ и очи лѣчитъ.

На этомъ я оставилъ цитированіе руководствъ нашихъ знахарей. Очевидно, народные лѣкаря пытаются крохами съ барского стола, продолжаютъ практиковать тѣ способы, какие были придуманы когда-то выдающимися врачами древности, потому что число дѣйствительныхъ ученыхъ, стоявшихъ въ уровень съ вѣкомъ, всегда было очень не велико. Современная наша наука настолько шагнула впередъ, что знахари выражаются уже незнакомымъ намъ языкомъ. Но собственно говоря, ихъ понятія — это отрывки старой теоріи, сохранившейся въ стереотипной формѣ въ тибетскихъ книгахъ. Отзвуки ея врачамъ часто приходится слышать отъ своихъ пациентовъ; напримѣръ, совѣтуешь врачъ пить вино предъ пищей, а больной возражаетъ: „я чувствую изжогу,— хорошо ли будетъ, жаръ на жаръ?“

Или еще. Приходить застѣнчивая старовѣрка и спрашиваетъ „можно ль свести у тетки бѣльмо съ глазу, а приключилось оно отъ того, что зубъ глазной выдернули.“ — А гдѣ тетка? — „Да она дома, а я пришла еще поговорить,—поругалась я такъ съ бабой одной,—ну у меня и стала рости шея (показываетъ свой зобъ, замаскированный тugo застегнутымъ воротомъ рубашки), — такъ нельзя-ли спользоваться?“...

А если такъ живучи вѣковые предразсудки, если до сихъ поръ субъективныя ощущенія смѣшиваются съ объективными, и всякий пациентъ не любить наставлений по элементарной физикѣ, оцѣниваетъ достоинства медицины, врача по собственному опыту, по удачѣ случайного лѣченія,—если до сихъ поръ сохраняетъ свою силу психологическая примѣта, что „намъ пріятнѣе говорить съ тѣмъ, кто самъ несправедливъ, нежели съ тѣмъ, кто нась упрекаетъ въ несправедливости“, то понятно, что нельзя отнестись снисходительно къ существованію тибетской медицины.

Масса и такъ легковѣрна и готова принимать лѣкарство неизвѣстнаго состава. Даже въ такихъ городахъ, какъ Парижъ, Лондонъ, существуетъ масса продажъ привилегированныхъ медикаментовъ.

Такъ, въ недавнемъ номерѣ (45) газеты „Врачъ“ за 1891 г. (замѣтка № 1880) читаемъ:

„Одинъ манчестерскій обыватель, страдавшій сильной головной болью, купилъ въ аптекѣ двѣ патентованныя болеутоляющія пилюли и положилъ ихъ въ карманъ жилета. Всльдѣ затѣмъ онъ въ сосѣдней лавкѣ купилъ и небольшую шаровидную перламутровую пуговицу для воротника рубахи и сунулъ ее въ тотъ же карманъ. Спустя нѣкоторое время онъ порѣшилъ принять лѣкарство *lege artis* (т. е. согласно предписаніямъ искусства): раскрылъ ротъ, закрылъ глаза и проглотилъ цѣлебный шарикъ. Головная боль вскорѣ стихла, „какъ бы волшебствомъ“, и больной продолжалъ свой путь, восхищаясь „открытиями“ врачебной науки. Вскорѣ послѣ этого онъ пожелалъ вставить запонку въ рубаху, но въ карманѣ оказались лишь двѣ болеутоляющія пилюли, пуговица же исчезла безслѣдно“.

Приводя этотъ разсказъ, я хочу иллюстрировать ту мысль, что еще долго можно будетъ желающимъ эксплуатировать страждущее человѣчество. Нельзя двумя-тремя бесѣдами убѣдить массу, что не слѣдуетъ лѣчиться помимо представителей офиціальной медицины, потому что легко быть обманутымъ.

Но ламы обольщаютъ больныхъ потому, что сами обольщаются ложнымъ ученіемъ. Слѣдовательно, прежде чѣмъ ожидать просвѣщенія массы народа, надо просвѣтить ламъ, познакомить ихъ съ нашими научными пріобрѣтеніями. Конечно, въ концѣ концовъ ламы, которые останутся вѣрными себѣ, вполнѣ будутъ играть роль современныхъ знахарей въ центрѣ Россіи. Но въ настоящее время ихъ нельзя игнорировать какъ народныхъ вѣдуновъ, ибо нѣть возможности выставить многочисленный медицинскій персоналъ, который бы парализовалъ ихъ дѣятельность.

Не говоря уже о широкихъ санитарныхъ мѣрахъ, для Забайкалья прежде всего желательно: 1) чтобы хирургические больные не лѣчились понапрасну внутренними лѣкарствами, а въ частности изъ нихъ глазные пациенты; 2) чтобы шире распространились понятія о необходимости предохранительного оспопрививанія, строгой дезинфекціи мокроты дифтеритныхъ, чахоточныхъ, посуды, бѣлья, вообще заразительныхъ больныхъ; 3) чтобы дезинфекціонными средствами пользовались по возможности всѣ роженицы.

Короче сказать, въ настоящее время населеніе усиленно болѣеть, вымираетъ, но въ то же время расходуетъ на ламъ и знахарей гораздо болѣе того, во что обошлась бы правильная обстановка рациональной медицины. Знахарей у насъ немного и къ нимъ прибегаютъ, когда нѣтъ врача или фельдшера. Другое дѣло—ламы. Поэтому желательно подчинить дѣятельность ламъ косвенному контролю нашей науки. Удобнѣе всего это достигается, если главные ламы-лѣкаря изъ дацановъ будутъ вызыватьсь по очереди въ большія больницы, гдѣ на практикѣ усвоять правила ухода за ранами, принципы дезинфекціи. Узнавъ наши способы лѣченія, ламы тѣмъ самымъ догадаются реформировать нерациональные свои приемы, подготовить массу къ воспріятію высшихъ культурныхъ взглядовъ. Что буряты склонны къ этому, видно изъ практики фельдшеровъ ламаитовъ, бывшихъ въ военной службѣ, кое-что усвоившихъ изъ нашей медицины и теперь успешно конкурирующихъ съ ламами: народу они ухищряются растолковывать, что тибетская медицина пригодна при кочевой жизни, но вредна желудку живущихъ осѣдло! Оригинальное и вполнѣ умѣстное объясненіе! То же самое можно сказать и обѣ всей народной и тибетской медицинѣ:—прошло имъ время, потому что люди иначе одѣваются, иначе питаются, иначе работаютъ,

иначе мыслять, больше знать, чѣмъ въ старину. Пора и лѣчиться иначе, разумнѣе, чѣмъ было возможно прежде.

Приложение. Въ поясненіе своей мысли о параллельности развитія культуры у бурятъ, пользующихся тибетской медициной и у „семейскихъ“, еще не просвѣщенныхъ нашей наукой и практикующихъ свои „народные“ пріемы лѣченія, я считаю подходящимъ привести одинъ заговоръ, которымъ лѣчили у „семейскихъ“ одну больную, потерявшую слишкомъ много крови во время родовъ и заболѣвшую бредомъ, буйствомъ острого умопомѣшательства. Изъ приводимаго текста „заговора“ видно, что первоначальный источникъ его надо искать въ доисторическомъ шаманствѣ (упоминается „пѣтухъ“, играющій большую роль у шамановъ).

Интересна еще вся *процедура нашептыванія на „воду“*, которая ставится въ берестяномъ ведеркѣ („туесѣ“), впереди возжигается свѣча, съ которой обходили вокругъ храма во время заутрени на Христову Пасху, а рядомъ кладется старинный ножъ. Когда чтѣль, нашептывая, произносить въ обращеніи къ Михаилу Архангелу и Георгію Побѣдоносцу „поразить и побить“—онъ протыкаетъ наговариваемую воду ножемъ; при обращеніи къ Ильѣ Пророку (въ третій разъ) онъ протыкаетъ воду зажженной свѣчей.

По окончаніи наговора водою обливаютъ больную (раздѣтую) съ головы. Наговоръ читаютъ по зарямъ (утромъ и вечеромъ¹⁾.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Богъ Господь и явися намъ, благословенъ Грядый во имя Господне. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Богъ Господь и явися: трижды.

Богъ Богоў и Господь Господей, огненныхъ чиновъ творецъ и безплотныхъ силъ хитрецъ, небесныхъ и поднебесныхъ художникъ. Его же ни видяй ни одинъ же отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ, Его же убояся вся тварь,—разгордѣвшаго иногда архистратига и своею службою, ослушаниемъ отвергшагося свергній на землю и отступившихъ съ нимъ аггелы, бѣсы злобою бывшая во тьму глубины преисподняя предавый, даждь заклинаніе мое, о страшномъ имени Твоемъ совершаю,—грозно быти ему, владыцѣ лукавствія и всѣмъ спосѣщникамъ его, спадшимъ свышняя

¹⁾ Эту воду даютъ также и пить по рюмочкѣ; къ водѣ прибавляютъ иногда и травки: земляной ладанъ (валеріану), сердечную, красную (свиной багульникъ?).

свѣтлости, обрати я побѣжаніе и заповѣждь ему отыти отъ раба Божія (имя рекъ), дабы и тому никто же вредно въ образѣхъ знаменоваемыхъ содѣялъ, но да пріиметъ себѣ крѣпость знаменоваемую державную наступать на змію и на скорпію и на всю силу вражію, имъ же Еси повелѣль, яко Твое поется и величится отъ всякаго дыханія и славится со страхомъ пресвятое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

50-й псаломъ... 90-й Живый въ помощи... 108-й Боже хвалы... 120-й Возведохъ очи мои горѣ... Заступница усердная, Мати Господа Вышняго... Да воскреснетъ Богъ. Именемъ Господа моего Ісуса Христа да сокрушатся вся нечистая вражія силы отъ нынѣ и до вѣка, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Трижды.

Встану я, рабъ Божій (имя рекъ), благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы во двери, изъ воротъ въ вороты, подъ восточную сторону ко святому морю океану. Въ того моря лежить бѣль латырь камень; на тѣмъ камнѣ стоитъ святая соборная апостольская церковь, у церковныхъ вратъ стоитъ Петръ апостоль съ золотыми ключами. Пойду я, рабъ Божій (имя рекъ), поближе, поклонюсь пониже,—бо еси, батюшка Петръ апостолъ, отомните, отоприте соборную апостольскую церковь, благословите взять правою рукою за булатную скобу, отворить правою рукою, переступить правой ногой, доступить до престола Господня, до лика Божія, крестъ сложить по писанному; помолюсь и поклонюсь престолу Господню и Лику Божію.

Ахъ Ты, Самъ Господь Саваохъ и Матушка Пресвятая Дѣва Марія, какъ Ты родила себѣ чадо, единороднаго Ісуса Христа Сына Божія, какъ Ты не имѣла скорбей и болѣзней, и силы дьявольскія, Владычица Матушка Пресвятая Божія Богородица, возьми своею владыческой рукою изъ раба Божія (имя рекъ) скорби и болѣзни, злыя дѣла, помрачительныя, и силы дьявольскія поверзи въ огнь лютый до суда Господня.

Икоты-икотницы—шепотную икоту, ломотную икоту, потяготную икоту, клокотную икоту, смѣхоторную икоту, плачь неутолимый, усовники, болетки, внутренняя огневы, топорки, глухую тоску, подданную, поддѣльную, подвивную¹⁾, взглядную, сполю-

¹⁾ Завивають хлѣбъ (колось) въ полѣ, горохъ въ огородѣ.

бовную, съ буйной головы съ сѣмя, съ мозгу, съ ясныхъ очей, съ черныхъ бровей, съ длинныхъ рѣсицъ, изо рта, изъ носу, изъ губъ, изъ десень, изъ зубъ, съ языку, съ могучихъ плечъ, изъ бѣлыхъ рукъ, изъ завитей, изъ костей, изъ перстовъ, изъ-подъ ногтей, съ бѣлой груди, съ ретиваго сердца, съ черной печени, съ бѣлаго легка, съ сѣраго желудка, изъ желтой желчи, изо всего чрева человѣческаго, съ поясницы, съ подколѣнныхъ жилъ, съ попятныхъ жилъ, изъ лапастей, изъ перстовъ, изъ-подъ ногтей, изъ крови горячей, изо всего тѣла человѣческаго¹⁾.

Благословите меня доступить до силы небесной и *Михаила Архангела*. Батюшка Михаилъ Архангель, какъ ты подымался на святой золотой колесницѣ, на золотыхъ своихъ крыльяхъ съ седьмago небеси къ шестому, какъ ты сшибъ сатану лукаваго, своимъ острымъ жезломъ поверзилъ въ огнь лютый до суда Господня,— Батюшка Михаилъ Архангель! воздайте мнѣ своеї рукой помощи, воздайте своего востраго жезла *подсѣчь* и *подколоть* въ рабъ Божіемъ (имя рекъ) скорби и болѣзни, злыя дѣла, помрачительныя и силы дьявольскія поверзить въ огнь лютый до суда Господня.

„Икоты-икотницы и проч.“... (какъ выше).

Благословите меня доступить до силы небесныя, до *Егорья Храброго*. Батюшка Егорій Храбрый! какъ ты прикололъ змія-аспіда своимъ вострымъ жезломъ ко сырой землѣ, ко сіонской горѣ, во огнь лютый до суда Господня. Батюшка Егорій Храбрый! воздайте мнѣ своеї рукой помощи, воздайте своего востраго жезла *подсѣчь* и *подколоть* въ рабъ Божіемъ (имя рекъ) скорби и болѣзни, злыя дѣла, помрачительныя и силы вражія прогнать и *поверзить* въ огнь лютый до суда Господня.

„Икоты и пр.“.

Благословите меня доступить до седьмago небеси, до Ильи пророка съ Енохомъ. Батюшка *Илья пророкъ и Енохъ!* какъ вы попушаете громы лютые, молоны палючія, стрѣлы огненныя. Отъ этого грому лутаго, молоњевъ палючихъ, стрѣль огненныхъ потрясется мать сырая земля, море и мелкія озера всколышутся, текучія рѣки возмутятся, цари, власти, роды христіанскіе устрашатся, а сила дьявольская укроется въ свѣтлыхъ воды, ухоронится въ горы, пещеры, въ стоячіи деревы подъ лежачіи колоды;

¹⁾ Этотъ отрывокъ повторяется и дальше.

а въ домы христіанскіе у чистаго христіанина за Божія муки ни-
гдѣ не можетъ сила дьявольская ухоронитьсѧ отъ нынѣ и до вѣка.

Батюшка Илья пророкъ и Енохъ! воздайте мнѣ съ своихъ
рукъ помощи этого грома лютаго, молоњевъ палючихъ, стрѣль
огненныхъ побить, поразить, попалить въ рабѣ Божиємъ (имя
рекъ) скорби и болѣзни, злыя дѣла помрачительныя и силы дья-
вольскія поверзить въ огнь лютый до суда Господня.

„Икоты и пр.“.

Благословите меня доступить до седьмago небеси, до святыхъ
мощей... подъ ногами его, подъ бѣлымъ латыремъ камнемъ, на
днѣ—морской глубинѣ ходить сѣрий морской пѣтухъ съ 30 кури-
цами: выскребаютъ своими вострыми когтями желтые пески, вы-
клевываютъ своими вострыми носами морскую червь, ъдятъ, вы-
жираютъ всю нечистоту. Подойду я, рабъ Божій (имя рекъ), по-
ближе, поклонюсь пониже: Ахъ ты, сѣрий морской пѣтухъ, не
выскребай своими вострыми когтями желтые пески, не выклевывай
своимъ вострымъ носомъ морскую дресву, не ъшь и выжирай
морскую червь, не чисти носомъ море, а ъшь и выжирай изъ ра-
ба Божія (имя рекъ) скорби и болѣзни, злыя дѣла помрачитель-
ныя и силы дьявольскія поверзи въ огнь лютый до суда Господня.

Выходить морской пѣтухъ единожды въ годъ на Благовѣщен-
скую заутреню; становись на три латыря камня; у твоихъ острыхъ
когтей, у твоихъ паногтей разсыплются бѣлые три латыря кам-
ня. Вострепещешь своими крыльями и воспоешь: отъ твоего пѣ-
тушьяго гласу потрясется мать сырая земля, море и мелкія озера
всколышутся, текучія рѣки возмутятся, соборная и апостольская
Церковь восколеблется, а силы небесныя возрадуются и возвесе-
лятся, и сила дьявольская изгонится и исчезнетъ въ огнь лютый
до суда Господня отъ нынѣ до вѣка. Нынѣ и присно и во вѣки
вѣковъ. Аминь. Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ че-
ловѣцехъ благоволеніе... и міръ просвѣщай, слава Тебѣ. Сла-
ва... и нынѣ и присно во вѣки вѣковъ. Аминь.

Николай Кириловъ.